

Дмитрий Ланев

Игра В НОЖИЧКИ

*Легче всего сбываются те мечты,
в которых не сомневаешься
/Дюма-отец/*

ПОВЕСТЬ

18+

Дмитрий Ланев

Игра в ножички

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ланев Д.

Игра в ножички / Д. Ланев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Персонажи этой книги - люди дела и наши современники. В их разговорах - частные и глобальные проблемы людей, России, всего мира. За разговорами они едят, пьют, рыбачат, немного стреляют, влюбляются и бегут от любви. События происходят на небольшой ферме в полутора сотнях километров от крупного города ориентировочно в 2018 году. Эта повесть первая из задуманных автором. Следующие охватят период до 2024 года. Обложка книги подготовлена петербургским дизайнером Еленой Герловиной.

© Ланев Д., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

От автора	5
Глава 1. За гусями	6
Глава 2. Разрозненные приметы	14
Глава 3. Отцы-командиры	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

От автора

Я ведь говорю не о самих вещах, сэр.

Я говорю об их значении.

/Рэй Брэдбери. 451^е по Фаренгейту/

Оправдать «летописца», объяснить смысл его труда может только явно выраженный социальный или государственный заказ.

Для любого другого человека, тратящего время на сочинение текстов вместо того, чтобы гнаться за чем-то более весомым, зримым и общепринятым, оправдания нет. Потому что не является таким оправданием потребность в свободе, и сама свобода не является зримой, весомой, общепринятой ценностью – что бы ни говорили по этому поводу рекламные плакаты.

Почему я упомянул свободу. Да потому что свобода – это опьяняющее удовольствие. Я видел пишущих людей «в процессе». Они производят впечатление счастливых, летящих.

А моя профессия – фотограф. В момент нажатия на спуск затвора я тоже – свободен, как никто другой. В момент нажатия кнопки у меня вырастают крылья. Свобода – это ощущение полета, которое мне знакомо. К счастью, у меня есть оправдание этой свободы – мне платят.

Но летать – хочется больше. Летать хочется выше. Вот так я и открыл «документ word» и начал вспоминать – получать незримое, невесомое, не общепринятое удовольствие – быть свободным.

И еще любопытство – действующий фактор. Забавно посмотреть, когда все закончится, с чего все началось. Как говорит один мой знакомый: «Каким же нужно стать настоящему, чтобы мы пожалели о прошлом!?»

Автор

СПб 2017

Глава 1. За гусями

– Ну, люди, здравствуйте!

Слова и хрипловатый бас, которым они были произнесены, принадлежали региональному распространителю нашего журнала. По тому, что он был облачен в штаны, куртку и кепку а-ля шемякин цвета хаки, было ясно, что он только что вернулся из дальней поездки. Круглые глаза посматривали на нас с хитринкой и некоторым удивлением, мол, как, вы еще не задохнулись за своими компьютерами? Огромные ладони, похожие на крабов, прижимали к бочкообразному животу что-то большое, из-за чего «Dubl Regy» – так звала его офисная молодежь, теперь с трудом протискивался между офисными перегородками.

Это «что-то», завернутое в несколько полиэтиленовых пакетов из супермаркета, «Dubl Regy» торжественно водрузил на стол бухгалтера, а сам уселся, производя несуразно много шума и скрипа, на кресло посередине комнаты. «Dubl Regy» был из тех пенсионеров, которые, как деревья, могут быть вывернуты из жизни только с корнями и только с подлеском. В прошлом преподаватель теормеха, сопромата и прочей инженерии, теперь грузный, сильно потеющий, обремененный бедными родственниками, но при этом бесконечно оптимистичный. Таковым делают человека провинциальные разбитые дороги, из колдобин которых городской житель успешно выбирается благодаря совершенной автомобильной технике и регулярной зарплате за то, что бьешь редакционную машину на тех самых провинциальных дорогах.

– Шикарный кролик, Петрович, – сказала бухгалтер, – развернув и снова заворачивая тушку в пакеты, – откуда в этот раз?

Доктора прописали ей кушать больше кроликов, поэтому «Dubl Regy» по договоренности регулярно привозил их с провинциальных рынков.

– Есть такой городок, назовем его «Л», всего 250 км. отсюда, а недалеко от него деревушка, назовем ее «Н». Еще немного проехать, и вот там проживает фермер, назовем его «А», так вот у него такие отличные кролики. И много еще чего интересного для вас, homo-строчащие.

– Как тебя в те края занесло, – спросила Алена из-за своего компьютера. Ее светлые локоны при этом даже не пошевелились.

– Интересно стало, кто там наш журнальчик заказывает. С доставкой на а/я на горпочтамте. Оказалось – именно этот «А». Я заехал, пользуясь провинциальной свободой нравов, познакомиться. Так вот, очень рекомендую кому-то съездить, личность колоритная, как раз по теме "философия фермерства".

– Все фермерство, и технология, и философия создаются в больших городах, где придумываются тракторы и удобрения, – ответил я.

– Ну, не скажи, – парировал «Dubl Regy», – роль потребителей тоже со счета не спишешь. А потребитель фермерского продукта – это не только и не столько гурман-горожанин на диете, но и местный житель, который под боком у фермера. Провинциал с большой буквы, – Петрович временами отвечал нам так, что новички на испытательном сроке торопились записать его слова и выдать за свои.

– Хватит воздух сотрясать, – мы и не заметили, что в дверях кабинета уже с пару минут возвышалась фигура Главного, – пишите лучше.

– О чем? – деловито осведомились неподвижные кудряшки Алены.

– Вот именно об этом: технологиях, философиях, потребителях, – ответил Главный и скрылся в кабинете, из пустоты которого через минуту позвал:

– Петрович, найди.

В кабинете шефа Петрович был минут пятнадцать. Он только на полминуты вышел, чтобы забрать из куртки, брошенной на спинку стула, свой ай-фон, а потом снова скрылся в кабинете, закрыв за собой дверь. Мы тем временем сотворили план набега на ту самую деревню К.

– Петрович, когда звонил, говорил и про отличных гусей. Сейчас сентябрь, Новый год не за горами. Попробуйте Петровича, придумайте основание для командировки, и вперед – за гусями, – сказала бухгалтер. Пользуясь превосходством старшего возраста и классическим воспитанием, выраженном в явном почитании стиля Раневской, она всегда подбивала нас на подобные взаимовыгодные экспедиции.

– А разве в сентябре их уже забывают, – спросил кто-то из парней.

– За деньги забывают в любое время. А в морозилку бросишь, и спокойно долежит. – ответила бухгалтер.

Петрович вышел из кабинета Главного, как всегда, довольный, и кивнул в сторону Алены:

– Твоя очередь, агент 9-6-9.

Такое прозвище он придумал для нее, сообразуясь с ее должностью – журналиста, и физическими данными, из которых для краткости убрал нули.

Аудиенция Алены у Главного тоже не была долгой. Она вышла из кабинета, как ни в чем не бывало снова уселась перед своим компьютером, и только оттуда сообщила приятную для всех новость:

– Готовьте денежки. Поход за гусями начинается!

Петрович взял на себя миссию обойти столы и собрать купюры у тех, кто хотел видеть на своем новогоднем столе гуся с яблоками или кролика с чем-то подобным, а я получил от Алены записку по электронной почте. Ее высокомерия хватало на то, чтобы время от времени лишать коллег удовольствия слышать ее голос и лицезреть белоснежные зубки.

– Едешь со мной. Завтра утром забереешь от дома, – написала Алена.

Я хотел спросить в ответ, в котором часу, но не успел.

– Не раньше восьми. Забери деньги у «Dubl Regu», – поступило новое указание.

Больше мне делать было нечего, и, забрав свой рюкзак с техникой, я вышел вместе с Петровичем. Он сунул мне в руку деньги и список нуждающихся в гусятине и крольчатине, и подмигнул:

– Натура – закачаешься.

Не знаю, о чем это он говорил: о фермере А, или об агенте 9-6-9.

На следующее утро в восемь ноль-ноль я на служебном LC был у нужного подъезда, бросил смс-ку, что приехал, и задумался. Необходимой деревеньки навигатор не знал. Последние километры 30 нужно было ехать по карте, про которую Петрович хмыкнул:

– Там лучше в объезд через лес. На той дороге, что на карте – мост рухнул. Вряд ли так скоро восстановили.

– Может, остановимся где, – подумал я, – позагораем.

В голове помимо воли возник образ Алены. Сначала в офисном облачении, затем каким-то образом джинсы и кофточка слетели, остались какие-то скромные в смысле размеров тряпочки, как на рекламе купальников или соляриев. Бабье лето все-таки. Плюс глобальное потепление. Добиться же благосклонности «золотого пера» журнала было мечтой всей сильной половины редакции. Но пока сильная половина демонстрировала слабость.

Алена появилась внезапно. Она залезла на сиденье рядом, хлопнула дверцей:

– Что стоим? – сказала она, вынимая из сумки помаду.

– Для такого задания помада должна быть цвета хаки, – съязвил я. А то какой же ты агент, больше на барби похожа.

– Давай вперед, Пудель, – парировала Алена. Пуделем, а чаще пудельком, меня называли дамы из-за моей курчавой шевелюры. Я не обижался, легкая игривость в разговоре со слабым полом полезна, особенно на корпоративах.

Мы поехали. Всю дорогу Алена оживленно переписывалась с кем-то, иногда безучастно поглядывая в окно на дорогу и окрестности, потом снова утыкалась в смартфон.

А окрестности были живописными. Мне, как фотографу, пару раз хотелось остановиться, но снимать пейзажи – неблагоприятное сегодня дело. Без искусственной обработки они не ценятся. А это – не мой конек. Вот живопись, наверное, другое дело. Художник рисует не то, что видит. Художник рисует то, что считает важным, что считает нужным оставить на века, или хотя бы на свой «краткий век». Поэтому получают идеальные полотна, ничего лишнего. Современному фотографу, чтобы продать, нужно добавлять в фотографию чего-то, компот делать, а художнику, наоборот, что-то из реальности надо убирать, оставлять главное, настоящее.

Но все-таки передохнуть было надо. Для этого нашлось живописное местечко.

Дорога шла по возвышенности, внизу в полукилометре протекала речка. Через пологий берег, поросший травой и клочьями раkitника, была видна полуразрушенная плотина и остатки кирпичных стен на берегу рядом с плотиной. Противоположный берег был круче, он был покрыт лиственным лесом, уже побуревшим от первых осенних дождей, но то тут, то там в нем вспыхивали пламенеющие клены, а к самой воде спускались солнечно-желтые березы и розовеющие осины. От плотины в лес круто взбиралась старая дорога.

Был как раз полдень. Солнце стояло в зените, хоть и по-осеннему низко, и посылало прямые лучи в лес на противоположном берегу. Картинка была, как говорит Петрович, "закачаешься", сразу захотелось пройтись по верху плотины и кинуть камешек с нее в речку.

– Здесь? – спросил я.

– Ну не на обочине же, – ответила Алена.

Я аккуратно съехал с дороги и прямо по сухой траве, проваливаясь в небольшие ямки, поехал к разрушенным стенам. Скоро я нащупал гравийную дорогу, по которой, наверное, к плотине подъезжали рыбаки. Вероятно, я съехал с шоссе слишком рано.

За разрушенными стенами нашелся и фундамент. В его центре зияло круглое отверстие, накрытое ржавой стальной конструкцией, в центре которой было отверстие. Сквозь ржавые поперечины был виден бетонный желоб, или канал, проходивший от края плотины и плавным полукругом снова впадавший в речку. Оглядев саму плотину, я понял, почему теперь в этом канале нет воды – уровень входа в него был чуть выше уровня реки. А когда плотина действовала, в нем должен был быть серьезный поток.

– Мельница какая-нибудь, – сказал я.

– Электростанция, – Алена кивнула на стенку. На ней на одном гвозде болталась фанерная табличка с красной молнией и надписью "высокое напр...". Кусок таблички был отломан.

– Перекусим, – предложил я, – я пока снимаю, а ты достань из багажника сумку. У меня там бутерброды. И термос.

– Молодец, пуделек, – Алена первый раз улыбнулась. – У меня только кусок пиццы. Вчера девчонки засиделись, не доели.

Она ушла к машине, а я походил, разглядывая старые кирпичные стены со следами пожара, кострищем рыбаков на бетонном полу, банками из-под пива. Того, что я люблю снимать в старых зданиях – коричневое от борьбы со стихией железо на фоне изъеденного эрозией камня было мало: только ржавый остов над колодцем и крюк с фаянсовыми изоляторами на самом верху. Все остальное уже унесли местные сборщики металлолома.

Пока я бродил по развалинам, Алена расстелила коврик, который я тоже взял с собой, и разложила бутерброды. Я сел на другой край, напротив нее, и начал разливать чай из термоса.

– Мне не наливай, – сказала Алена. Только дай крышку.

Я протянул ей белую крышку-чашку от термоса. Она полезла в свою сумку и достала плоскую бутылочку, наполовину наполненную коричневой жидкостью.

– Извини, – сказала Алена, – укачало.

Она выпила и налила еще немного.

– Извини, тебе не предлагаю. Мне жизнь дорога.

– Ясно, – ответил я. – Тем более, девочки вчерашние.

– Да, девочки, – усмехнулась Алена.

Из-за уклона, на котором мы сидели, дорога наверху была совсем не видна. Судя по всему, по ней мало ездили в будни, только местные. Этот же уклон защищал нас от ветерка. От сухой травы пряно пахло осенью. Солнце, только-что перевалившееся через зенит, доставало и нас своими лучами.

– Ты как, отошла?

– Нет еще, минут десять посидим, – ответила Алена.

– Ну, я тогда позагораю, – сказал я и стянул футболку. Куртку я снял еще раньше.

– А я посмотрю, какая вода, – Алена прошла, шурша травой, мимо меня и скрылась за кустом раkitника.

– Не нырни там, – крикнул я.

– Постараюсь, – донеслось из-за куста.

Минут пять было тихо. Я дожевывал третий бутерброд, размышляя о том, на какой минуте нужно будет идти спасать Алену. Если через пару минут не появится, значит, ей там за кустами совсем плохо – после вчерашнего. Это, конечно, осложнит работу, но не мне. А мне даже на руку, слабость женщины увеличивает шансы мужчины.

Но Алена была в полном порядке. Даже более, чем в полном. Она появилась из-за куста и легко шла обратно, как ни в чем не бывало. При этом всю свою одежду, включая кроссовки, она несла в руках. Именно всю, поскольку на ней не было ничего.

Наверное, у меня был довольно глупый вид. По крайней мере, подойдя на расстояние пары шагов и глянув на меня сверху вниз, она усмехнулась. Но ничего не сказала, прошла, на секунду загородив гладким ухоженным телом солнце, и встала на свой край коврика.

– Есть, чем вытереться?

– Я через голову бросил ей свою футболку.

– Это по-рыцарски, – сказала она, не жалко?

– У меня запасная есть.

– Тогда, в качестве награды можешь вытереть мне спину.

Вытирая ей спину, я позволил себе немного вольности. Алена заметно напряглась и ткнула меня локтем под ребра.

– Не твое. На место, пудлек.

– Ну, так ведь и ничье, – съязвил я. – Пропадет ... золотой запас.

Я снова сел на край коврика, налил себе чаю и, уже не стесняясь, стал смотреть, как она одевается.

– Если какая-нибудь местная бабка с дороги тебя увидит, скажет что-то вроде "бесстыжие городские понаехали".

– Это не бесстыдство. Это чувство превосходства.

– Превосходство над чем?

– Превосходство совершенной формы над несовершенным содержанием, или его полным отсутствием.

– Над чьим содержанием, – сказал я, принимаясь за очередной бутерброд.

– Над бабкиным. Или над твоим, тоже сгодится.

– А форма чья?

– Форма моя. Не твоя же. Посмотри на свой живот.

Мой живот, не доставлявший мне никаких хлопот, был вполне сносным. Переваривал все. Без восьми квадратиков, конечно, даже без четырех. Но не свисал же он над ремнем, как у некоторых. У самой Алены квадратики пресса проглядывались. Вот о какой форме она говорит.

- Ну, не обижайся, Игорек. Она вдруг опустилась на колени и чмокнула меня в щеку.
- Поехали.

И тут же вскочила. Очевидно, купание пошло ей на пользу.

Всю оставшуюся дорогу, кроме последнего тридцатикилометрового участка, она болтала без умолку. Рассказывала про своих подружек. Через полчаса я знал их всех по именам.

– Я тебя с ними познакомлю. Скажу, что ты фотограф, а ты и на самом деле фотограф, они сразу будут на крючке. Каждой – портфолио. С каждой – отдельно. Ты же кучерявый, они мимо такого не пройдут. Ольга точно не пройдет. А она такая – звезда!

Я слушал ее, крутя руль одной рукой, и думал о том, что подружки – и особенно Ольга, очевидно очень хороши, но все-таки они мне неинтересны. Тем более, что Олю эту я уже видел – сначала в прошлом году, когда она приезжала за чем-то к Алене в офис, а потом на рекламе спортклуба, где она занимается. А там своих фотографов хватает.

Меня больше занимало то, что короткий поцелуй на берегу до сих пор жег мне щеку, конечно, не в буквальном смысле. То есть не выходил из головы. И все ее тело, блестящее и влажное от воды, бархатистая кожа и родинка на плече тоже занимали мозг. Пес в "Люди в черном" сказал бы коротко и честно: "Ты на нее запал". В каждом из нас живет такой смысленный пес.

Вот о чем я думал, крутя руль. Мы проехали по центральной улице того самого городка Л, которая вела мимо рынка. Перед рынком все обочины были заняты местными бабулями и дедулями, с коробок и ящиков торговавших своими урожаями. Нам были видны их спины, сгибающиеся над кучками свеклы, репы, зелени, ведрами картофеля. В этих наклонах не было угодливости и лести перед покупателями. Грибники стояли отдельно, почти за каждым стоял потрепанный российский мотоцикл или мопед.

- Классный кадр – мотоциклы на фоне торгового ряда, – сказала Алена.
- Фотографировать в спину – то же самое, что стрелять в спину, – ответил я.

Эта мысль только что пришла мне в голову, и я понял, почему крутые фотографы действительно не снимают со спины. Издалека – да, как снайперы, но в спину – никогда. Наверное, в каждом фотографе живет военный корреспондент, а съемка в спину к тому же означает, что ты отстал, то есть проиграл.

Деревню «К» мы проехали по грунтовке. В деревне был магазин, закрытый на висячий замок, и колодец с "журавлем". Зеленая краска на стенах магазина пообтрепалась и облупилась, зато возле колодца стоял пламенеющий клен, и все вокруг него было покрыто алым ковром. На этом волшебном ковре смуглый мальчик натягивал цепь на звездочку велосипеда. Я остановился, опустил стекло и крикнул ему, правильно ли мы едем к фермеру А. Он не ответил, зато из-за ближайшего забора показалась женщина в цветастом платке, махнувшая рукой в ту сторону, куда я, собственно, и так ехал.

На выезде из деревни стоял столб. К столбу был прибит ржавый почтовый ящик, и ниже ящика – тоже ржавый и погнутый знак "проезд запрещен", в народе известный как "кирпич".

- Надо же! – удивилась Алена, – куда это нам нельзя?

– Туда, наверное, было нельзя, но теперь, похоже, можно, – я кивнул в сторону опушки в полукилometре от нас, вдоль которой стоял серьезно порушенный бетонный забор, а над верушками осинника торчали две вышки.

- Скорее всего, заброшенная воинская часть.

Я предложил Алене сфотографироваться рядом со столбом на фоне голубого неба с парой вышек. Я даже придумал название снимков: "Приют пессимиста" или "Неактуальные запреты".

– Лучше "Прощание со знаком "Стоп", – сказала Алена и деловито добавила:

– Мне снять что-нибудь?

Все-таки она была девушкой своего века, прагматичной до мозга костей.

Но я поборол низменное и пустил вперед художника в себе. Я хотел ограничиться крупным планом, практически портретом. Для этого мне была нужна голова Алены, точнее, ее лицо и волосы.

– Сними заколки, пусти кудряшки по ветру, – сказал я.

Пока я снимал, нас объехали прямо по целине два джипа и несколько мотоциклистов. Все, кого я разглядел, были экипированы и вооружены для пейнтбола. Кавалькада уехала вперед и свернула перед забором, направляясь к вышкам.

Закончив съемку, я обернулся на солнце. Между нами и ближайшим домом стоял приличный стог сена.

– Может, продолжить? – подумал я, что было очевидной глупостью, имея в виду фотоаппарат и Алену. – Кто разберет, что у нее в голове?

Но когда мы доехали до места, которое Петрович отметил крестиком, и где надо было съехать с асфальта, мои мысли вернулись к действительности. Ехать пришлось через лес по дороге, по которой, похоже, до нас только УАЗы и трактора проходили. Глубокие колеи были заполнены водой и жидкой грязью. Иногда, чтобы хоть пара колес шла по сухому, приходилось ехать с сильным креном. Но LC на то и есть, чтобы все это воспринимать как прогулку.

Поездка и была прогулкой, пока мы не доехали до речки, через которую где-то выше по течению снесло мост, или он от старости сам рухнул, а здесь был брод.

О том, как преодолевать брод я имел смутное представление. Алену этот вопрос вообще не занимал. Она качалась на сиденье справа, иногда хватаясь за ручку над дверцей, иногда отпуская скупые комплименты.

– Ты просто ас, – сказала она, когда я остановил машину перед съездом в воду.

Я подсознательно понадеялся на новый поцелуй, но его не последовало.

Очевидно, была моя очередь лезть в воду.

На этот случай у меня были резиновые сапоги – настоящие болотники. Меня снабдил ими Петрович. Я влез в них, сломал, как мне показалось, подходящий шест, и смело вошел в коричневый неторопливый поток.

Все показалось не таким уж сложным. Дно, куда я ни тыкал шестом, было твердым. Один раз я сам поскользнулся на камне, другой раз шест предательски соскочил и ухнул сантиметров на 30 глубже ожидаемого мною, что заставило меня дернуться и завертеться, пытаюсь удержать равновесие. Но в целом LC должен был пройти здесь спокойно. Я прошел поперек всю речку, и вернулся назад вполне довольный собой, не замочив, что называется, ног.

Сняв сапоги, я снова обулся в кроссовки, и залез на водительское сиденье. Алена отправила мои трепыхания в свой инстаграм и сидела рядом довольная.

– Похоже, не так все сложно, – сказал я.

– Кое-кто уже пожелал тебе удачи, – ответила Алена, пытаюсь показать мне что-то в планшетнике. – Вот увидишь, к твоему возвращению Ольга будет ждать тебя на пороге твоей квартиры со своим чемоданом.

Я понял, что Алена не выкинула из головы мысли обо мне и о своих подругах, и об Ольге, как самой, может быть близкой.

– У нее что, большой чемодан? – спросил я, аккуратно съезжая в речку.

– Боюсь, что не очень. Скорее всего – только сумка Луи Виттон – такая, в клеточку.

– Маленькая?

– Наверное, не очень большая.

– Если большая – то китайская подделка. Если маленькая – барышня не моего круга, – я внимательно смотрел вперед, хотя смотреть, собственно, было не на что – противоположный берег размеренно приближался.

– Чего ты боишься? Она нормальная девчонка!

– Прекрати ерундой заниматься, – ответил я, – а то выкину твой планшет в реку. Будешь ручкой писать. Умеешь?

– А то! – ответила Алена.

И тут нас немного тряхнуло. Не сильно, но достаточно, чтобы планшетник слетел с коленей Алены на коврик под ногами.

Правое переднее колесо съехало в какую-то щель между камнями, которую, разумеется, было не видно, и каких еще могло быть много под этой мутной водой. Но LC фыркнул и попер дальше. Единственное, что теперь уже не я определял путь, а невидимое дно. Я мог только пытаться выворачивать вправо к тому пологому месту, где намеревался выехать. Иногда мне это удавалось.

Сначала я подумал, что в этом раунде мы с рекой были на равных. Она меня немного подвинула, но я все-таки добрался до берега в месте, почти таком же хорошем, как первоначально выбранное. Но предательская полоска ила между водой и твердой почвой, покрытой иголками и пронизанной корнями сосен, была на стороне реки. Передние колеса провалились в эту полоску, бампер уперся в берег. Попытка газануть привела к тому, что и задние колеса, поелозив по камням, прочно застряли между ними.

– Давай-ка я пока в кустики сбегаяю, – сказала Алена.

Я молча смотрел, как она встала на сиденье, каким-то чудом перепорхнула на капот и соскочила на берег, помахав мне ручкой:

– Вот так!

Когда она открыла дверь, немного воды плеснулось в салон. Я подумал, что испачкаться все же придется.

Я перелез на задние сиденья, где оставил сапоги, надел их, потом вернулся, согнувшись, как в тетрисе, вперед и вылез через свою дверь. Вода и в этот раз радостно заструилась в салон.

Лопаты у меня не было. Да она бы и не помогла. Лебедки тоже не было. Оставалось решить, кому звонить. Или куда идти. До фермы было километров десять.

И тут я услышал за спиной шелест веток.

– У тебя телефон фермера есть? – спросил я, рассчитывая, что Алена не могла не иметь номера телефона объекта своего внимания.

Мне никто не ответил, а краем глаза я заметил, что позади меня у ствола, возле которого только что никого не было, возникла посторонняя фигура. Я обернулся.

Незнакомый мужик, одетый, как луковица в детской загадке, в сто одежек, в сапогах и кепке с козырьком, стоял у ближайшей ели и смотрел, не отрываясь, на реку и машину в ней. От мужика пахло немытым телом, как от бомжа.

– Алексей навстречу послал, – сказал мужик, – потом повернулся и пошел в ту сторону, где должна была быть дорога.

– Кто это был? – спросила Алена, выходя из-за чахлой березки.

Я пожал плечами: – леший.

– Что сказал?

– Лешие не говорят. Они творят чудеса. Читала сказки?

– Не умничай, мне до двадцати лет на день рождения книжки дарили. Пришлось буквы тоже выучить. Одновременно со смайликами.

Но я угадал – насчет чуда. За деревьями заревел двигатель, и между соснами возник трактор. Трактором управлял "леший". Он внимательно смотрел под колеса, стараясь не обдирать

стволы. На его носу теперь поблескивали очки и, когда он подъехал совсем близко, я заметил, что очки у него на веревочке.

"Леший" как-то так расположил свой трактор на берегу, что с первого рывка выдернул ЛС на прочную поверхность. Мне оставалось только сидеть за рулем, немного газовать да подруливать. Потом по следам трактора я выехал через елки на старую грунтовку и уже без приключений, если не считать глубоких луж, поехал вперед.

Прощаясь на берегу, я пожал ему руку. "Леший" смотрел то на реку, то на небо, то в землю.

– Спасибо, – сказал я, раздумывая, не дать ли ему денег.

– Чего там! Алексей послал, – ответил мужик, и я решил, что деньгами я обижу если не его, то незримого пока Алексея.

Очков у него на носу уже снова не было.

Глава 2. Разрозненные приметы

Через восемь километров лес кончился, начались поля, покрытые коричнево-желтой щетиной скошенной травы и светлыми ролями упакованного сена. Вдали виднелся холм, судя по всему, остающийся справа. Где-то рядом с ним должна была быть река и сама ферма. Солнце было уже низко и било в глаза.

– Когда планируешь возвращаться, – спросил я Алену.

Ее снова начало укачивать, она лениво пожалала плечами.

– Это будет центральный материал. Времени – сколько надо. Дня два, три.

– Один уже почти прошел.

– Значит, три.

– И ночи, – добавил я, усмехнувшись.

– Ты что-то путаешь, пуделек. Ночи – это у Джеймса Бонда.

– Умница, – подумал я, но вслух ничего не сказал. Все-таки она была классная журналистка. Откуда в такие годы такая уверенность и точность? Не иначе – талант.

Так – в дружеском молчании мы подъехали к большому бревенчатому дому, стоявшем на высоком цоколе, сложенном из обломков гранита. Справа от него был устроен навес, под которым стоял чистый «зализанный» «Уаз-патриот», замызганная угловатая «Нива» с прицепом и накрытый чехлом квадроцикл. На одной из балок под крышей я заметил пустое в это время года гнездо ласточек. Под этим гнездом я и оставил ЛС – такой же грязный, как чужая Нива.

Метрах в двухстах слева был еще один домик, небольшой и ладный, за которым вытянулись два ряда длинных, поблескивающих на солнце теплиц.

От парковки к дому вела дорожка.

– Что это за растения? – спросила Алена, указывая на пожухлые стебли, аккуратными островками покрывающие угол между дорожкой, навесом для машин и домом.

– Пионы, – ответил я.

– Пионы! – удивленно воскликнула Алена.

– А ты что ожидала? Капусту?

– Ну, не знаю. Но не пионы.

Мы поднялись по ступенькам на крыльцо. Дверь была закрыта на деревянный вороток, и в нее возле ручки выдавшим виды ножом с деревянной рукояткой был приколот лист бумаги. Алена оторвала его и прочитала:

– Поешьте, отдохайте. Буду на закате. А.

– Какое оригинальное гостеприимство! – Алена посмотрела на меня, потом повернула голову чуть больше и испуганно схватила меня за руку. Я тоже обернулся.

Две серо-черные овчарки стояли у крыльца и, свесив языки, смотрели умными глазами на нас. Их опущенные хвосты чуть-чуть шевелились.

– Нас приглашают довольно настойчиво, – сказал я и открыл дверь, поскольку ничего больше не оставалось.

До заката оставалось часа четыре.

Мы вошли на веранду. На веранде, она же что-то вроде прихожей – узкой, но шириной во весь фасад дома, с окнами в наружной стене, пахло деревом и собаками. Стены не были ничем обшиты, и из сочленений бревен кое-где торчал изоляционный материал. На глухих правых и левых торцах на вбитых в бревна гвоздях висели косы, подковы, какая-то прочая металлическая утварь, даже ржавое зубчатое колесо диаметром со среднюю сковородку. Весь этот бывалый металл носил следы чистки и в целом составлял забавную коллекцию. Там был даже краник от самовара и необычной формы ножницы. Вдоль всей внутренней стены было

устроено из досок нечто вроде невысокого длинного ящика, на котором можно было и сидеть. Я это понял потому, что крышка была не цельной, и в одном месте из под нее торчал желтый полиэтиленовый пакет, точнее, его мятый край. На крючках напротив входа, рядом с дверью в дом, висели куртки, плащи, а под ними на черных резиновых ковриках стояла пара сапог.

Я совершил быстрый проход по всей ширине веранды, сфотографировав рыбьим глазом обе торцевые стены, а потом еще, сменив объектив, паутину, сплетенную между каким-то ржавым тесаком, одной из полудюжины подков и ржавой шестеренкой. Паутина была пыльной и нежилой.

– Смотри, – позвала Алена.

Она стояла в углу, где висели куртки, и разглядывала небольшой деревянный сундук, стоявший на табуретке.

Алена дотронулась пальцем до щеколды, замкнутой на петлю, но без замка:

– Взглянем?

Я ответил, что не очень-то подходит воспитанной горожанке без разрешения заглядывать в чужие сундучки. Алена покачала головой, но пальчик отдернула.

– Тебе бы чуточку авантюризма, – сказала она, – напористости...

– И баночку белил, чтобы закрашивать стыдливый румянец, – ответил я.

Вторая дверь – уже стальная с серьезным врезным замком, тоже оказалась не заперта. Овчарки цокали когтями по крыльцу, чуть слышно поскуливая. Остаться на веранде было бессмысленно. Мы вошли дальше. Ничего особенного, никакой экзотики, ничего квази-деревенского. Просто кухня, обшитая вагонкой, с одним окном в левой стене, газовой плитой, столом, табуретками, большим холодильником, ладными самодельными шкафчиками на стенах и двумя дверями в другие помещения.

Алена толкнула меня в бок:

– Посмотри!

Я проследил за ее взглядом. Слева от холодильника стоял высокий березовый чурбан, изрубленный торец которого был таким темным, какими бывают плахи у мясников на рынках от впитавшейся крови. И так же, как на рынке, этот чурбан был посыпан солью. А на столе – на доске, которую, судя по зачерстевшим крошкам, еще утром использовали для резки хлеба, лежал длинный тяжелый нож с выгравированной надписью: *"... есть много разрозненных примет, которые не предвещают ничего хорошего. Э. Хэмингуэй"*.

– Веселенькое начало, – сказал я, наклоняясь к ножу и поднимая фотоаппарат.

Алена промолчала. Она присела на край подоконника и что-то уже строчила в своем ай-пэде.

Я подождал, пока она закончит, и открыл следующую дверь прямо напротив входа в кухню с веранды, справедливо предположив, что справа может быть только небольшой чуланчик.

Вот тут уже была цивилизация. Хотя помещение и было сплошь деревянным, как и кухня, но оно было обширным, с окнами на три стороны. В два из них ярко светило заходящее солнце, из-за чего сучки в вагонке, которым были обшиты стены и потолок, кое-где светились янтарем.

Слева от входа начиналась лестница на второй этаж, под ней – лестница вниз, поуже первой; наверное, в цоколе тоже были комнаты. Напротив входа – западной стены, стоял диван. Кресло с широкими подлокотниками подпирало левую стенку, а в углу между ним и глухой восточной стеной с входной дверью помещался камин. Слева от камина, то есть справа от входа и напротив дивана, на стене висел телевизор. Под телевизором на самодельном стеллаже – полный комплект аудио и видеотехники. У северной стены стоял стол, стулья, что-то вроде комода.

– Здесь wi-fi работает, – сказала Алена, – не очень мощный, но есть.

– Петрович, когда описывал это место, какие слова использовал? – поинтересовался я. – Пещера отшельника? Отель пять звезд? Землянка старика и старухи у синего моря?

– Мишленовский ресторан, – съязвила Алена. Она уже подошла к столу, и сдернула салфетку с одной тарелок. Перед нами возлежал кусок буженины с аппетитной корочкой. На других тарелках были свежие огурцы, укропчик, хлеб. И прижатая к столу стаканом записка: "Остальное в холодильнике".

– Живем! – сказала Алена и бросила свой рюкзак на одно из кресел. Я свою сумку поставил на пол рядом.

– Ты заметил, что зеркала нет? – спросила Алена.

– Спасибо, что сказала. И что это значит?

– Значит, женщины нет.

– Плохо знаешь жизнь, агент 9-6-9! Штрафная пара сантиметров плюс тебе. Отсутствие зеркала не означает отсутствие женщин. Возможно, они появляются под покровом ночи и исчезают до рассвета, и им не нужны зеркала.

– Заткнись, идиот. Здесь везде одними мужиками пахнет. Ни-ка-кой косметики.

Я решил, что не воспользоваться угощением означает быть невежливым, сходил на кухню за ножом, нашел в холодильнике пиво, сделал бутерброды.

– Как ты думаешь, – спросила Алена, задумчиво глядя в окно и неторопливо работая нижней челюстью, – с чего начать с ним разговор?

– Не знаю, – честно ответил я, – я сам думаю, на чем сфокусироваться. Пока из оригинального – только нож. Но этого мало.

– А у меня вроде есть правильная мысль. Спрошу-ка я его про буженину эту. Очень нежная, у меня только бабушка такую готовит. В чем удовольствие в жизни здесь?

– Ну, наверное, это крутое начало! Прямо в сердце. Странно, что когда ты думаешь, кучеряшки не шевелятся.

– Хватит ерунду молоть, пудель!

Алена отстранила мою руку с бутылкой, из которой я хотел налить ей пива, и потянулась к рюкзаку. Достала свою бутылочку, и прямо из горлышка глотнула.

– Хочешь?

– Я отрицательно помотал головой.

– Ну, тогда музыку включи.

Алена перешла на диван и вытянулась на нем.

– А что поставить? Тут полно бардов, старый рок и классика. Стоит Сибелиус.

– Ну и оставь его.

Я включил музыку и прошелся, потягиваясь, по комнате.

– На второй этаж не хочешь подняться?

– Неудобно. Нам поесть предложили, а не шнырять по дому, – Алена начинала дремать.

Я подумал включить свет, но не стал, и сел к окну с фотоаппаратом. Оказалось, в паре сотне метров от дома протекала река, и закат мог быть красивым. Хоть я и не считаю себя пейзажистом, тем не менее, облака на закате над рекой – это беспроектный вариант. Я даже не поленился достать штатив. Как только закат созреет, я был готов выскочить из дома.

Между прочим, я сел очень удачно. Ибо хозяин появился именно оттуда – с реки. Сначала донесся шум лодочного мотора, затем сама лодка выскочила откуда-то справа и, заглушив мотор, по инерции подошла к деревянному причалу, над которым при наступлении сумерек зажегся фонарь. Три силуэта, темные и одинаковые в последних лучах солнца, выскочили из лодки, взяли что-то из нее и пошли к дому.

– Вставай, пора на работу, – я тронул за плечо задремавшую Алену и включил в комнате свет.

Алена томно потянулась, одернула футболку, и переместилась в угол дивана, нацелив серые глаза на дверь. Я удивился, что она не бросилась к сумке и к пудренице.

На веранде, а потом в прихожей и кухне затопали, раздался звон ведра. Дверь раскрылась и в проеме, как в раме, появился... в общем, тут надо поподробнее.

Это пресловутое "вдруг появился" сопровождает начитанного человека с самого детства, развиваясь с ним, приобретая характерные черты времени. Сначала это сказочные богатыри, тридцать три года лежащие на печи и вдруг вскакивающие на подвиги, потом это кашка, вдруг вытекающая из чудесного горшочка, затем также внезапно появляется соперник за внимание одноклассницы и иногда выигрывает, затем также неожиданно на выборах побеждает неизвестный герой, также вдруг приходит зима и заснеженный гаишник лишает тебя в новогоднюю ночь прав.

До зимы еще было далеко, но что-то – еще неясное, но уже неожиданное, произошло. Впрочем, чему удивляться, в дом вошел хозяин.

– Алексей, – произнес вошедший, шагнув в комнату.

Он пожал мне руку, а ладонь Алены только тронул за кончики пальцев.

– Игорь.

– Алена.

– Как добрались?

– Добрались, – ответил я.

– Нас выручил неизвестный тракторист, похожий на лешего, – сказала Алена.

– Палыч? Его действительно за лешего можно принять. Теперь он хоть бороду ниже второй пуговицы обрезает, а пару лет назад вообще жуть была.

Алексей прошелся по комнате, привычным движением чуть увеличил громкость музыки.

– Рыбу на ужин будете есть?

– Вы хозяин, мы как вы, – ответила Алена.

– Так тому и быть, – Алексей повернулся к двери в прихожую, – Валя, давай всю вываливай, мы поможем.

– Потрошить на улице буду, – донесся женский голос, и кто-то снова прошел на веранду и хлопнул входной дверью.

– Мы поможем, – Алена вдруг резко оказалась возле сумки и, распотрошив ее, вытянула за красный рукав свитер.

Алексей оценивающе взглянул на нашу одежду и произнес:

– Солнце сядет, будет прохладно. Возьмите на веранде куртки.

– А моя в машине, – Алена высунула голову из ворота свитера и нежно посмотрела на меня, – сходишь?

Если бы литературные образы могли материализоваться, то из моих глаз на пол бы высыпался целый десант смеющихся чертиков – так забавна была перемена в поведении Алены.

– Если собираетесь рыбу чистить, то возьмите мои, они попроще.

Я не стал подыгрывать «агенту 9-6-9», очевидно, решившей включить женские чары, нашарил на веранде пару курток, одну надел сам, вторую, в карманах которой болталось что-то тяжелое, сунул в руки Алене. Она не обратила на замену внимания и вышла вслед за Алексеем на улицу. Овчарка тут же вынырнула откуда-то сбоку и сунулась носом ей в ладонь. Алена инстинктивно одернула руку, но потом все-таки наклонилась и погладила собаку по холке.

Стемнело, Алексей щелкнул выключателем на крыльце и в разных местах усадьбы зажглись фонари.

За углом дома было нечто вроде хозяйственного двора – низкий сарай с широкими воротами, штабель бревен, рядом штабель досок и бруса, аккуратно проложенных тонкими рейками. Перед сараем пара чурбанов для колки дров и небольшой столик со скамейкой.

Около стола стояла женщина в куртке цвета хаки, в широкополой ковбойской шляпе, в джинсах и сапогах. Как раз в этот момент она держала в одной руке здоровенную рыбину, а в другой длинный нож с узким лезвием. Она стояла к нам боком, и я видел только прямой нос и темные волосы, собранные в длинный хвост, свисающий из-под шляпы на спину. На скамейке стояло оцинкованное ведро с торчащими рыбьими хвостами. Освещалось все это мощным фонарем со стены дома.

– А куда Карена подевала? – спросил Алексей, когда мы подошли к столу.

– В лодку пошел, какую-то блесну он из коробки выронил.

На берегу кто-то загремел цепью, и вскоре темная фигура показалась из-за кустов, направляясь к нам.

– Ты бы фонарь взял, – крикнул Алексей.

– Я телефоном посветил, – ответила фигура.

– Нашел? – спросила женщина в ковбойской шляпе.

– А то! Сладкая моя! – ответила фигура, она же, как я понял – Карен.

– Ну, знакомьтесь: Карен, Валентина, – сказал Алексей.

– А это, – он развел в стороны руки, – гости из ... – он назвал наш журнал.

– Есть такой журнал? О чем? – спросила Валентина.

– О современных землевладельцах, – ответила Алена.

– Значит, не о чем, а о ком, – сказала Валентина, укладывая рыбину на доску и примеряясь к ее голове ножиком.

– Замри! – воскликнул Карен, отступив на шаг назад и вытянув руку в сторону Валентины.

Валентина замерла с вонзенным в рыбину ножом, потом покачала головой,

– Отстань, не хватало еще здесь позировать.

– Я запомню, – сказал Карен, возвращаясь к столу и, засучив рукава, запустил волосатые руки в ведро с рыбой.

– Смотри, какая красавица!

– Рыбой ограничимся, или мясо достать, – спросил Алексей. – Рыбы много, но мясо тоже есть.

– Мясо будем у моих родителей кушать, – ответил Карен. – А здесь мы сами поймали, сами поедем.

– Ты не один в гостях, – остановила его Валентина, – не только тебя спрашивают.

Я понял, что эта пара – муж и жена.

– Мы – за рыбу, – ответила Алена.

– Я тоже рыбу, – сказал я, давая понять всем, что у нее нет никаких оснований на такое смелое «мы».

В другой ситуации я, наверное, был бы только рад ее непринужденному «мы», но в этот вечер, после откровенного издевательства у плотины, я должен был некоторое время поддержать дистанцию.

– Тогда мы отвечаем за рыбу, а вы за угли, – сказала Валентина и пододвинулась, давая место Карену у стола.

– Сегодня дождя не будет, – сказал Алексей, – устроимся на берегу.

– А как называется река? – спросила Алена.

Я не удивился ее чисто женской привычке забывать все на свете в подходящий момент: я отлично помнил, что уходя вчера из офиса и заглянув через ее плечо в экран ее компьютера, я увидел прекрасную карту той местности, где мы сейчас находились.

– Жаль, что в нынешний период нового освоения России пионерам этого дела не дано права переименовывать географические объекты, – Карен многозначительно поднял нож, – я мог бы предложить неплохое название для речки...

Валентина не дала ему договорить. Ее резкий юмор давал понять, что брак их – как брак иглы и наперстка: толкаются, а тянут одну нитку.

– Если бы тебе дать на это право, ты бы и Ключевскую сопку назвал бы мангалом, шашлычник!

– Женщина! Не смей смеяться над любовью мужчин к мясу! Это бесперспективно и опасно с точки зрения эволюции! – ответил Карен.

Алена использовала такой гастрономический поворот разговора в своих интересах:

– У вас буженина на столе была великолепная. На углях готовили? – спросила Алена.

– Не знаю, ответил Алексей, – угостили. Но неплохая – это правда.

Алексей показал, где у него стояла поленница, и ушел куда-то за дом. Я набрал дров и пошел в сторону берега. Алена поплелась за мной.

На берегу был устроен круг из больших камней, на которых кое-где лежали досочки. Посредине большого круга был сложен круг поменьше – кострище, а рядом с ним еще один очаг – пониже и продолговатой формы. Три чурбана образовали вокруг кострища импровизированный столик.

Я бросил поленья на землю, сложил шалашик.

– Спички не взяли!

– Возьми, – Алена стояла у меня за спиной.

Я повернулся. Она мило улыбалась и протягивала ко мне две руки: в одной был нож в кожаных ножнах, во второй спички.

– Нашла в карманах, – сказала она, решила, что пригодятся.

– Умница, – ответил я, присел, настругал щепок и запалил огонь.

Алена села на камень, оперлась подбородком на ладони.

– Тихо как. Сеном пахнет.

Ветерок действительно доносил легкий запах скошенной травы. Удивительно, что Алена обратила на это внимание. Насквозь ведь рафинированная девочка. Не иначе, как в роль вживается.

– Я с детства этот запах помню. Маленькая была, меня на каникулы в деревню отвозили, к бабушке с дедушкой.

И у этой девочки с обложки было совсем не глянцевое детство!

– А теперь что? Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел. В журналисты попал... Колобок ты, а не "агент 9-6-9", – сказал я.

– Хоть здесь перестань дурачком прикидываться. Никто же не смотрит, – ответила Алена.

Смотрела на нас зелеными глазами только одна из овчарок. Она неслышно подбежала со стороны дома и сейчас стояла в паре шагов от нас, изредка приоткрывая пасть и свесив язык.

– Иди ко мне, – позвала овчарку Алена.

Собака поняла, и, опустив голову, подошла к ней.

– Хорошая, добрая, вонючая, – сказал Алена, поглаживая собаку по голове.

Со стороны дома послышалось шуршание, и из сгустившихся сумерек вышел Карен.

– Не помешаю?

– Нет, что вы, – ответила Алена.

– Там уже достаточно рыбы. Сейчас руки помогут, и придут.

– А куда Алексей уходил? – спросила Алена.

– У него ведь живности много. За сараем – кролики, птица разная. Там, дальше – коровник. Завтра утром – парное молоко. Не жизнь, а песня! Только гор не хватает.

– Ну, на одном молоке не проживешь, – заметила Алена.

– А вы, однако, правы, – ответил Карен. – Значит, песня короткая, чтоб работе не мешать.

Я хотел добавить, что эта утренняя красота, которую Карен назвал песней, длится не дольше завтрака. Но не стал вмешиваться в разговор. Фотографу вообще лучше помалкивать и во время кнопку нажимать.

Овчарка встрепелась и повернула морду. Из темноты в круг света от костра вошла Валентина с ведром в одной руке и пачкой бумажных тарелок в другой. Карен потянулся к огню и поворошил обугленной палкой угли, затем смахнул с одного чурбана невидимые травинки.

– Поставь сюда!

Следом за Валентиной в круг света вступил Алексей, сопровождаемый второй псиной. Выудил откуда-то из темноты, из-за камней закопченную решетку для гриля, раскрыл ее на чурбане.

Карен засунул руку за спину и достал квадратную бутылку виски.

Алексей перешагнул через камни, скрылся в темноте и вернулся из нее со вторым чурбаном, который устроил, поворочав, ближе к огню.

– Стаканы и вилки? – вопросительно сказала Валентина, оглядывая чурбаны, – не принесли!

– А где они? – Алена легко поднялась.

– На кухне.

Алена упорхнула в сторону светящихся окон дома. Одна из овчарок побежала за ней, а вторая, насторожив уши, смотрела на реку.

Валентина засунула обе руки в ведро и начала вынимать из него куски рыбы, и раскладывать их на решетке. Закат, костер, ее ковбойская шляпа, тонкие пальцы с перстнем, уверенно управляющиеся с белыми ломтями рыбьих тушек – все это было красивой картинкой. Я вынул из сумки фотоаппарат.

– Снимайте, но использовать только по согласованию со мной, – сказала Валентина, не повернув даже головы.

– А я не гордый и не прячусь, – Карен пригнул к себе голову овчарки, – ну, сфотографируемся на память?

Я сделал несколько снимков и показал их Карену.

– Почему собаки всегда получаются лучше, чем я? – с артистическим возмущением спросил Карен.

– Забудь три языка, забрось живопись, прекрати преподавать, высунь язык – и тоже обретешь такую первобытную привлекательность, – Валентина не меняла манеры шутить и обращалась со словами небрежно, как с хорошо знакомыми драгоценностями.

Алексей в этом диалоге не участвовал. Он перекладывал угли из костра в жаровню, ворошил их и только улыбался уголками губ.

Я сделал несколько фото его лица, красного от бликов пламени, крупным планом и, рассматривая их, удивился, что щетина на его подбородке была не очень-то заметна. Похоже, он брился еще утром. Странно, что меня это удивило, наверное, такой у меня в голове сидел стереотип: фермер, рыбалка, борода. Я вспомнил некоторых своих знакомых. Уж не хотят ли они обрести первобытную привлекательность после того, как получили свои дипломы?

В сопровождении овчарки вернулась Алена. Она поставила на чурбан пять нормальных стеклянных стаканов, положила рядом вилки, и села не на то место возле меня, откуда поднялась, а немного дальше – на высокий плоский камень. Перед тем, как сесть, поправила что-то в заднем кармане. Сказала, оправдываясь:

– Одноразовых не нашла.

– У Алексея из одноразовых не пьют, – ответил Карен, – ни-ко-гда!

– Я и хлеб захватила, – Алена выложила из пакета большие ломти хлеба и пристроила их там же на чурбане.

– Не сидите на камнях, – сказал Алексей, выудил откуда-то из тьмы за собой серый кусок доски и подал Алене.

– Спасибо, сказала Алена, – но мне показалось, что камень теплый.

– Показать может, но тут, на берегу, все быстро остывает.

– А потом память на всю жизнь, отдается в каждом шаге, – сказал Карен, отвинчивая колпачок с бутылки.

– Подожди, – остановил его Алексей. – Может, моей?

Карен широко улыбнулся, завинтил колпачок обратно и поставил бутылку на землю у камня.

– Знаешь, что не откажемся! Да, сладкая?

Алексей пошарил в своей брошенной на камни куртке и достал бутылку – тоже квадратную, но с горлышком, залитым красным сургучом.

– Дай-ка посмотрю, – Карен взял бутылку и стал рассматривать горлышко.

– Ого, товарный знак! Фирменный стиль! Это что, редиска, свекла?

– Репа, – ответил Алексей. – С нее все началось.

Я посмотрел на Алену. Было интересно, как она начнет работать. Достанет айфон, или по старинке блокнот с карандашом.

Но Алена пошла круче, просто в пике какое-то. Она взяла стакан с прозрачной жидкостью, и сказала:

– Я, конечно, здесь оказалась по работе. Но можно, я сегодня не буду работать. Никаких вопросов, никаких интервью. У вас тут так хорошо, простор, закат, река.

– Дело ваше, – ответил Алексей.

Он пристраивал на углях решетку с рыбой. Пристроил, повернулся к нам, взял свой стакан.

– Буду банален, но – за здоровье!

– И за контакт цивилизаций, – сказал Карен. – Шутка ли, Высший Разум в лице представителей респектабельного СМИ приземлился у костра на берегу речки без названия и пьет фермерский самогон из репы.

Мы выпили. Я смотрел на Алену. Она хватанула большой глоток и чуть не поперхнулась.

– Как? Лучше, чем раньше? – спросил Алексей.

– Хорошо, – ответил за всех Карен.

– Я так и думал, – согласился Алексей, – с медом лучше.

Потом посмотрел на Алену и пояснил:

– Это не самогон. Просто настойка. Древний рецепт.

– Ну да, подтвердил Карен, – репа и мед, остро и пряно, горько и сладко, как судьба художника.

– Хорошо сказал, – ответила ему Валентина, – иначе кто бы догадался, что среди нас художник. А теперь все ясно!

Она внимательно посмотрела на Алену, потом пристально взглядела в ее лицо и спросила:

– Вы, – она назвала фамилию Алены. Мы что-то читали ваше. Помнишь, Карен? Год назад. Там и фотография ваша была. Кажется, это было эссе об этих идиотах – «биорисовальщиках». Представляете, – Валентина заговорила громче, обращаясь ко всем нам, – придумали новое течение. Рисуют молоком, кефиром, где-то слайсы мяса или сыра лепят. Потом под стекло – и к людям!

– Долго такая живопись держится? – задал вопрос Алексей.

– Не очень, – ответил Карен, – плесень – лучший критик. Ничего не говорит, ничего не пишет. Просто все жрет.

– Но ваша статья, – он обратил взгляд к Алене, – мощнее плесени. Вы так тонко, так изящно с ними расправились. В общем чисто по-женски не оставили камня на камне.

Я впервые увидел, что Алена может смущаться. Я это понял по ее еле дрогнувшим губам, небольшой ямочке, возникшей на щеке, и глазам, которые она спрятала в квадратное око стакана.

– Спасибо, мне приятно, что вы читали.

– Читали, не то слово! Радовались, наслаждались, – Карен болтал остатками настойки в стакане.

– У вас есть стиль – сдержанный, точный, со взглядом в перспективу, – продолжила Валентина таким голосом, как будто диктовала статью.

– Как у Коко Шанель – маленькое черное платье, но – в журналистике, – прервал ее Карен. – Ну, что, не пора рыбу переворачивать?

Я заметил, что при упоминании француженки ресницы Алены дрогнули, а темные зрачки метнулись в сторону Алексея.

– К маленькому черному платью нужен бриллиант. Идеально, если им становится сама женщина. В данном случае – автор, – добавил я, не сбившись ни разу. Мне редко приходится говорить среди интеллектуалов. Обычно я их фотографирую, потом смотрю на снимки и раздумываю: в чем же проявляется интеллект. Фотография – честное искусство.

В ответ на мои слова Алена бросила на меня уничижительный взгляд:

– Коко Шанель, между прочим, сказала, что *роскошь – это вызов не бедности, а вульгарности*, – и она снова махнула ресницами в сторону Алексея.

А он в это время поворачивал решетку, поливал чем-то куски рыбы, снова поворачивал и чем-то поливал. Другими словами – колдовство было в разгаре.

– Мы, кстати, за знакомство так и не выпили. Первый тост ведь за здоровье был, тост землешцев, – сказал Карен, подливая в стаканы из бутылки с красным сургучом на горлышке.

Чокнулись, сдвинув стаканы над чуркой с хлебом.

– Карен, просто художник. Муж мадам, – Карен церемонно склонил голову в сторону Валентины.

Валентина полезла в карман, вынула кожаную визитницу, достала две карточки и протянула одну Алене, вторую мне. "Галерея...", директор, – прочитал я. Стал понятен ее интерес к живописи, к художникам, к алениному творчеству в том числе.

– Готово, – Алексей снял с углей решетку и по дуге, рассыпая по воздуху клочья дымка и запаха, перенес ее к нам.

Валентина проворно раздала бумажные тарелки.

– Помидоры здесь, в тазике. Лук, укропчик, прочие части натюрморта. Сначала смотрим, потом едим, – Карен двигал по пожухлой траве тазик с зеленью, устраивая его в равной досягаемости от всех коленей.

Соответственно, колени двигались тоже, сдвигаясь к огню, к чурбанам, к натюрморту, который предстояло разрушить.

Глава 3. Отцы-командиры

Солнце совсем исчезло, оставив багровую полосу на горизонте. Искры вылетали из пламени и гасли, за секунды исчерпав свой порыв достичь звезд. В окружающем просторе и одновременно в тесноте каменного очага было скрыто что-то невероятно важное, невероятно ценное, необходимое для жизни.

– Речная рыба вкусна, хоть и костлява, – сказал Карен, бросая в огонь остатки со своей тарелки и потянувшись за следующей порцией.

– Как и твои натурщицы, – саркастически заметила Валентина, помогая ему перенести куски рыбы с решетки на тарелку.

– Ха-ха! – воскликнул Карен, поднимая стакан, – за умных женщин!

Я заметил, что в стаканах почти ничего нет, взял бутылку и долил всем по кругу. Когда я протянул руку с бутылкой к Карену, он отвел свой в сторону и подмигнул:

– У художника не должны дрожать руки. Особенно утром.

– Впрочем, – он вернул стакан под горлышко, – пусть будет наливо.

Поворачиваясь к Валентине, я заметил, что она оценивающе и устало смотрит на мужа.

Издали донесся странный глухой звук, как будто кто-то с уханьем колотил по земле.

– На том берегу ведь лес? Кто в нем водится? – спросила Алена.

– Да всего понемногу. Лоси бывают, кабаны. В основном утки в тростнике и гуси на луга садятся. Зайцев зимой стреляем, – ответил Алексей.

– А твоя живность как, плодится? – спросил Карен.

– Конечно, плодится. Тимофей приглядывает. А Надежда его к уткам привязалась. Забавно – всю жизнь учительницей проработала. А теперь утки. Она с ними разговаривает, а они на нее смотрят, только что клювы не раскрывают.

Алексей подбросил в огонь полено, продолжил.

– А Тимофей, муж ее – инженер. Эскалаторы проектировал. Потом все это никому не нужно стало, дешевле покупать. Подрабатывал, где мог. А в десятых полтинник стукнуло, никому не нужен. Ко мне в блог написал, давай, мол, буду продукцию в город возить, продавать. Так и познакомились. А чего возить, кому надо – сами приезжают. Так и осели. Живут сами и дочерей в городе подкармливают.

– А много с вами на ферме людей работает? – спросила Алена.

Я оценил ее тонкую лесть. Она сказала не "у вас", не "на вас", а "с вами". Подчеркнула его пастырскую миссию.

Не я один был такой умный. Валентина со своего места тоже все слышала и усмехнулась:

– Обрати внимание, Алексей, "с вами"!

Алексей, Впрочем, несколько не смутился. Он продолжал колдовать над следующей порцией рыбы и ответил коротко.

– Четверо.

– И Ахмет здесь? – спросил Карен, – надо бы с него набросок сделать, очень уж характерный разрез глаз у него.

– Ахмет в этом году на том берегу сам землю арендовал. Уже и построился. С урожаем, правда, помогал. Но в следующем году нужно будет кого-то еще нанимать.

– Сложно людей найти? – спросила Алена, – нам все фермеры пишут, что главная проблема на селе – люди.

– Да что об этом говорить. Правда, конечно, – Алексей замолчал, как будто эта тема его совсем не интересовала.

А Алена напористо, методично, продолжала:

– Нам пишут, что местное население безнадежно, генетически испорчено – у них с целевыми установками по жизни все перевернуто. Деньги – сразу водка. Ни родителей, ни детей, никого не стыдятся.

– Ну, да. В этом смысле с бывшими городскими проще. У них или Большой Драматический театр, или на худой конец тур по Европе – путеводная звезда. Ради этого и с коровами, и с утками могут поладить.

– А вот у нас, у людей гор, все не так!

Карен поджал ноги и подался к огню, продолжил:

– У нас старики – это самое последнее слово, истина в самой последней инстанции. Наверное, это от того, что люди горы видят с детства. Глаза открывают, и сразу – горы. А гора – это иносказательно – авторитет. Кто уважает горы, тот уважает авторитет, и сам имеет авторитет.

– Но все-таки их взрывают, – сказал я, чтобы поддержать разговор.

– Куски откалывают, – покачал головой Карен, – только куски, маленькие такие кусочки.

Из космоса не видать.

– Может, кто-нибудь скажет что-нибудь хорошее про ужин? – сказала Валентина.

Как истинный директор она удобно полулежала, постелив на камни теплую куртку, и поглядывала на нас немного со стороны.

– У меня первый в жизни такой прекрасный вечер, – сказала Алена.

Я знаю, что бывала она и в Италии, и в Испании, и где только не бывала со своими подружками, но слова прозвучали искренне. А она еще и продолжила.

– И у меня есть небольшой подарок принимающей стороне, вам, Алексей, – Алена встала и достала из заднего кармана джинсов махонький мешочек, завязанный красной ленточкой.

Она протянула руку над огнем и передала мешочек Алексею. Тот тоже встал, чтобы принять подарок, потом снова сел, развязал бантик и вытряхнул на ладонь нечто матово блеснувшее.

Валентина, сменившая позу, чтобы лучше видеть, восхищенно цокнула языком

– Симпатичная штучка!

– Исключительно симпатичная штучка! – поддержал ее Карен, но если Валентина смотрела на ладонь Алексея, то Карен сначала бросил быстрый взгляд в сторону Алены.

На ладони Алексея лежала крохотная, с рублевую монету в диаметре, репка. В ее крутых боках красной точкой горел костер.

– Серебро? – спросил Карен.

– Несомненно, – подтвердила Валентина.

– Неважно, – сказала Алена, довольная произведенным эффектом.

– Но почему репка? – спросил Карен.

– Я прочитала, что вы их коллекционируете, и вот – случайно увидела. – Алена обращалась к Алексею.

Алена была на высоте. То ли с сожалением, то ли с каким-то запоздало зарождающимся азартом я подумал, что, может быть, лет через десять, я буду гордиться, что имел случай вытереть ей спину. Станет она главредом какого-нибудь глянца, или канала. А я знаю, где у нее родинка!

– Вот как! – воскликнул Карен, – а я почему-то думал, что ты коллекционируешь клинки!

– Коллекция репки? Или репок? Это что-то новенькое, расскажи, – попросила Валентина.

– Ну... – начал Алексей, но тут овчарки разом поднялись и повернули острые морды в сторону берега.

Мы тоже повернулись в ту же сторону, ничем в этой ночи не отличаясь от своих древнейших друзей, может только тем, что приобретаем и теряем мы в неожиданных встречах больше, чем они.

Сначала из темноты донесся шорох сминаемой осоки, потом невнятное бормотание и в неверном свете от костра появилась фигура сутулого тощего мужика, одетого в сильно испачканные брюки и порванную на плече куртку. К мокрым сапогам человека прилипли листья и стебли травы. Овчарки негромко зарычали и направились в сторону пришедшего. Остановились в нескольких метрах от него, заняв позиции в темноте.

Алексей поднялся и пошел навстречу.

– Петр, снова?

– Не могу я, Алексей Михалыч, прости. Не могу.

– Какой раз?

– Ну, прости, к тебе пришел.

– Ладно.

Алексей вернулся к нам, деловито посмотрел на огонь,

– Подбросить надо, я скоро. Карен, не давай гостям скучать.

Они ушли в сторону дома. Алексей шел впереди, сзади плелась фигура незнакомца. Овчарки бежали позади, иногда отвлекаясь, чтобы обнюхать какую-нибудь кочку или куст.

– Это тот самый Петр, что стихи в прошлый раз читал? – спросила Валентина, обращаясь к Карену.

– Похоже, он.

– Так сдал за год! Невероятно!

Валентина поднялась, чтобы положить себе новую порцию рыбы. Вопросительно посмотрела на нас с Аленой. Я с готовностью протянул свою тарелку, Алена свою. Карен снова провёл бутылкой по-над стаканами.

Поставив бутылку попрочней на землю, он взял свой стакан. По тому, как Карен обвел взглядом нас троих, я понял, что будет тост в кавказском стиле. И не ошибся.

– Этот визит ночного гостя, духа, так сказать, русской ночи, – Карен повел рукой в сторону ушедших, – дает возможность вспомнить одну старинную притчу. Вот она: однажды один хороший человек, но страстный курильщик, попал в рай. И захотел там покурить. Достал сигарету, а спичек – нет. При входе забрали. Он обратился к одному соседу, к другому, ни у кого нет ни спичек, ни зажигалок. Тогда он стал искать дальше и в своих поисках спустился до самого ада. Постучался, ему открыли. Он спрашивает: "Огонька лишнего не найдется?". А черт ему отвечает: "Здесь, в аду лишнего огня не бывает. Сюда каждый со своим приходит".

А суть этой притчи такова: у каждого в глубине живет страсть. Иногда горит, иногда шипит, как змея или паровой котел. И хотя без страсти жить невозможно, да, сладкая? – Карен подмигнул Валентине, – но давайте держать ее в ежовых рукавицах интеллекта.

Поднимаю тост за интеллект! За журналистику... и за арт-бизнес!

Мы чокнулись и выпили. Я подумал, что тост получился за высокую журналистку – Алену, и высокую мадам-директора, поскольку в росте Валентина не уступала Алене. Хотел об этом сказать, но не успел.

– Карен, а что ты имеешь против русской ночи, – спросила Валентина. – Ты что, полагаешь, что Петр – это и есть упомянутый тобой дух. Этот несчастный выпивший человек, которого не пускает в дом жена?

– Извините, никого не хотел обидеть, но справедливости ради должен сказать, что в горах из темноты может появиться только исключительно трезвый человек. Может быть, опасный, но трезвый. Там просто пьяный ходить не может – пропасть справа, пропасть слева.

– Отбор, эволюция, – сказал я.

– Коллега меня понимает, – ответил Карен.

Валентина зевнула, элегантно прикрыв ладонью рот. Может быть, она и хотела продолжить дискуссию, но Алена, которая этих зауемей слышала столько, что фильтровала их автоматически, уцепилась за фактуру.

– А что это за Петр? Расскажите о нем.

Валентина то ли усмехнулась, то ли поморщилась:

– Пошлая история. Жил неплохой паренек. Закончил педагогический институт – в то время это давало отсрочку от армии. Потом полтора года лейтенантом. Научился выпивать. Вернулся в родной город. Пошел работать учителем. Стал директором школы. Познакомился с дамой, во всех отношениях его превосходящей, вроде из торговли. Ремонтировал школу. То ли попался на откате, то ли подставили его. Ушел из директоров. Отсидел недолго. Вернулся в родной городок. Работы нет. Супруга в грош не ставит. Устроили по знакомству в ту же школу – учителем труда, мастером на все-про все. А куда от выпивки – руки-то ничем не заняты, а голова – у Карена есть такая картина: мужики за столом с запрокинутыми назад под девяносто градусов головами – легко превращается в воронку. Вот и льет в эту воронку все подряд. А как жена пьяного из дома выставит, она еще, говорят, пользуется успехом, он побродит, помается и к Алексею приходит.

– Зачем? – спросил я.

– Ночлег. Участие. Алексей строг. Но не гонит.

– Да и Петр не один такой, бедолага, – вставил Карен. – Я помню, когда мы впервые сюда приехали, четыре года назад, мужики частенько приезжали. Кто на лодке, кто на тракторе – мед привозили, один раз чужую корову привели. Думали, богатый барин приехал, любит всех без разбору.

– Ну, с тех пор Алексей изменился. Немногословным стал. А раньше – душа компании. Помнишь, как вы с ним турниры по тостам устраивали? Удивительно, как не спились. Женились вовремя! – Валентина покачала головой.

– Ну и Палыч появился, – сказал Карен. – Он всех просеивает, через него мало кому пробраться удастся. Такого дурня на себя может напустить, особенно, когда за топор хватается, или за ружье.

– Это тот как бы леший возле реки? – спросила Алена.

– Он самый, но он не только у реки, он вообще везде. Вам с ним нужно получше познакомится, без него здесь ничего не понять. Это – как обратная сторона луны. Или как доньшко у бутылки, – Карен разлил остатки из бутылки с красным сургучом, – доньшко видно только у пустой бутылки.

– Ну и полную бутылку можно перевернуть, – сказал я.

– Так, коллега, поступают только дилетанты, – ответил Карен.

Из темноты вынырнули овчарки, а через пару минут подошел и сам Алексей, принес охапку свежих поленьев. Пару сразу бросил в костер. Взметнулся сноп искр, Алена отшатнулась, спасая свои локоны, а Валентина только прикрылась ладонью – ее ковбойская шляпа оберегала волосы. Подумав об этом, я подумал и о том, что в таком своеобразном наряде деловая леди, очевидно, прячет не только волосы, но и что-то тайное в себе. Или, наоборот, показывает, что тайна присутствует – ищите. Завтра при свете нужно будет сфотографировать ее без шляпы. Поставить на берегу. И хорошо бы туман.

– В котором часу здесь туман? – спросил я.

– Утром. Петухов услышите, и вставайте, – сказал Алексей.

– Удивительно, – сказала Валентина. Вот идет человек, и по походке сразу видно, кто идет. Мужчина, мужик или мужичек.

– Дорогая, выражайся художественно, – шутливо вставил Карен, – под рыцарем конь гарцует, мужик землю толкает, а мужичка волоком тащат.

– Можно и так, Каренчик. Я вот о чем: что первично: походка или суть человека. Что кем или кто чем управляет?

– Это моему разуму неподвластно. Я – художник. Я только навешиваю ярлыки.

– А я думала, что ярлыки навешиваем мы, журналисты, – сказала Алена.

– Наши с коллегой, – Карен вежливо наклонил голову в мою сторону, – живут дольше. И они не обсуждаются.

Я почему-то преисполнился уважением к Карену. Если бы не он, про меня бы совсем забыли. Так всегда было с Аленой, она никогда не думала о коллегах.

– Вот, кстати, о мужиках, – Карен взял в руки нож, который Алена в самом начале вытаскивала из кармана чужой куртки. – На ноже гравировка: "*Мужики победили, а нам, отцы-командиры, хана. Атаман Антонов*". Что это значит?

– Это уже история, – ответил Алексей. – Мне этот нож один профессор подарил, дальний родственник. Суть в том, что советская власть, как известно, в своих отношениях с крестьянами встретила с трудностями. Точнее, с жестоким сопротивлением. Никто не хотел ни зерно, ни скот отдавать, ни потом в колхозы сучиваться. А братья Антоновы были небогатыми помещиками, военными в прошлом. Организовали из крестьян практически регулярную армию, и красным было с ними тяжело. Пока не пришел Тухачевский, который сменил тактику – вместо лобовых атак разбросал среди крестьян листовки, в которых обещал прощение, и кучу кучную всяких благ от советской власти, и награду пообещал за головы братьев. Крестьяне к тому времени устали воевать, кто-то поверил, кто-то струсил. В общем, предали братьев. И вот, говорят, когда один из них прочитал листовку Тухачевского, он и выразился так о судьбе своей и других командиров, которых крестьяне в своем искреннем первоначальном уважении называли отцами.

– Это он так тебя на сельское хозяйство напутствовал? – спросила Валентина.

– Вроде того, – сказал Алексей, морщась от дыма.

На его лицо, оживившееся во время рассказа, снова легла какая-то тень.

– А что Петр? – спросил Карен.

– Оставил ночевать на чердаке у Тимофея. – Алексей встал, чтобы поправить костер, – он тихий. А Тимофей сегодня с Надей, она простыла, из дома не выходит. Он над ней, как над ребенком. Так что за звездами сегодня не наблюдает, – Алексей посмотрел на небо, – хотя сегодня исключительно хорошая ночь для этого.

Я был уверен, что Алена спросит про Тимофея-звездочета. Но она отмерила другой темп для сбора материала – вопросы перемежала лирическими отступлениями. У нее, очевидно, был какой-то коварный план. Как, впрочем, всегда.

Алена поднялась, встала рядом с Алексеем, задрала голову:

– Боже! Какая красота! И сколько же их там?

– В нашей галактике под сотню миллиардов, – ответил Алексей, – а вне нашей галактики – сотни, если не больше, миллиардов других галактик. И в каждой миллиарды звезд.

Он посмотрел на наши стаканы:

– Карен, ты не справляешься. Гости ничего не пьют и не едят!

– Да я только что налил, – ответил Карен, – ну, за...

– А в мозгу человека нейронов тоже почти сто миллиардов – сказала из красного полумрака Валентина. Она не торопясь обглаживала кусок рыбы, нанизанный на кончик вилки.

– Удивительно притягательное число сто миллиардов, – сказал Карен, тоже вставая, – ну, за...

– Удивительно то, что там, где нас нет, счет всегда идет на миллиарды, – снова прервала его Валентина.

– Даже не знаю, за что поднять тост. То ли за то, чтобы миллиарды к нам, то ли мы к миллиардам, что не одно и то же, – продолжил Карен, готовясь сказать что-то красивое.

Но тут алкоголь во мне наконец-то сработал, я встал и сказал:

– За женщин. Они всегда знают, как правильно!

– За женщин – до дна! – воскликнул Карен.

Мы запрокинули головы и выпили до дна. Ставя стакан на чурбан, Алена пошатнулась и схватилась рукой за Алексея. Он автоматически, чуть дрогнув, придержал ее свободной левой рукой за спину.

– Белые атакуют и выигрывают, – почему-то подумал я.

После этого мы снова расселись по местам, и принялись за очередную порцию рыбы. Дошла очередь до бутылки Карена. Мы выпили ее половину.

Алена снова вспомнила про репу, и Алексей сказал, что репа – является полноценным символом русского народа, поскольку она была до картошки, скрывает в себе массу полезного, и естественным образом основательно подзабыта – как все русское.

– А как же мишка? – поинтересовалась Валентина.

– Медведь для символа не годится, – ответил Алексей, – он одиночка. А у народа, любого народа, символ должен объединять.

– То-то ты и уехал из города, прямо в центр мироздания! – съязвила Валентина.

Она полулежала на своем каменном ложе, как змея, некогда укусившая Олега. И тоже пыталась жалить, но я уже понял, что такова ее манера разговаривать со старыми друзьями. Ничего не поделаешь, острый ум не может не колоть. Иначе какой в нем смысл?

– Я могу вас помирить, – сказал Карен, – вопрос в том, что считать центром? Город или то, что из него уехало?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.